

УДК 1.11:17

Нижников С.А.

Постижение Мамардашвили

Часть 1. Философия экзистенциального события

М.К. Мамардашвили

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов

E-mail: nizhnikovs@mail.ru

В статье анализируется преобразование философии, осуществленное в творчестве М.К. Мамардашвили. Отмечается, что философия у него представлена как философствование — гносис, духовное познание. Метафизика у Мамардашвили предстает не как учение о мире, а как созидательная деятельность трансцендирования, формирующая человека как моральное существо. С другой стороны, осмысливается критика со стороны Мамардашвили господствующих идеологий, превращающих человека в зомби, разрушающих как моральный строй личности, так и гражданское общество и государство.

Ключевые слова: М.К. Мамардашвили, гражданское общество, идеология, зомбирование, личность, мораль, событие, тоталитаризм, философствование.

Сегодня бесспорным признается тот факт, что творчество Мераба Константиновича Мамардашвили (1930—1990) является вкладом в мировую философию, сопоставимым с достижениями известных западных философов XX века [Мотрошилова 2007]. Его называют «демократическим аристократом» и «грузинско-русским Сократом». По воспоминаниям В.П. Визгина, ему была свойственна «беседная речь», он был «художником в философии» [Визгин 2009, с. 24, 17]. Его, как и Сократа, можно было бы назвать «воплощением философии», а еще лучше — «философствования», ибо он «философствовал вслух». «Воспитанные на немецкой абстрактной философии, — продолжает Визгин, вспоминая философское образование в советскую эпоху, — мы просто забыли о возможности другой мысли...». Эта другая мысль и не экзистенциалистская, но экзистенциальная. Философия для Мамардашвили была «художеством мысли на службе искусства быть», поэтому ее наукообразный дискурс он считал вторичным по отношению к ее гуманистическим задачам. Возвращаясь к древним грекам и средневековому пониманию, он сблизил ее с мудростью. Он был философом личности, но не идеи (Гегель). Вместе с тем он был «философом эстезиса», так как его творчество характеризуется «мыслящей чувственностью» и «чувственно воплощенной мыслью» [Визгин 2009, с. 29, 20]. По сути Мамардашвили стал критиком гегелевско-марксистского понимания исторического прогресса и политики лишенной личности и морали.

Мамардашвили утверждал, что социально-экономические интересы сами по себе исторической роли не играют, но до тех пор, пока не приобретают «символическую силу». Интересы должны «склеиться» с какими-то символами, «которые, как раз и могут развязать, как из атомного ядра, массовые энергии». Сами по себе ни буржуазия, ни крупный финансовый капитал не имеют судьбоносного исторического значения, пока в конкретной социальной ситуации не переоденутся в яркие зажигательные символы, пока не появится «символическая протоплазма», — и тогда все становится элементом истории [Мамардашвили 2008, с. 249]. Нужно убедить человека, что возможно всеобщее равенство и братство, здесь на земле и уже завтра, и нет такого преступления, которое он не совершил бы ради этого идеала. Так было и во времена французской революции, и в России 1917 и 1991 гг. Меняются только идеологемы, символика этой веры, — от внушаемой большевистскими агитаторами до современной либерально-демократической, внушаемой заокеанскими «агитаторами» и их трансляторами внутри страны. При этом надо не видеть людей. Символика надежно скрывает их от революционеров всех мастей и современных террористов. Ведь взорвать в толпе бомбу, или ставить социальные эксперименты,

Нижников С.А. Постижение Мамардашвили

Часть 1. Философия экзистенциального события М.К. Мамардашвили

продолжает Мамардашвили, можно лишь в том случае, если люди не воспринимаются в качестве людей, если они — лишь сырьевой материал или вовсе помеха для установления царства идеалов на Земле.

Мераб Константинович Мамардашвили
(1930—1990)

Мамардашвили использует различные термины, для именованья управляющего людьми идеологического поля, как то: «черные дыры», в которые могут попадать целые народы и обширные территории; «лучевая болезнь» и др. Но все они имеют в общем один смысл, который мыслитель пытался вскрыть в своем докладе «Сознание и цивилизация». По Мамардашвили, мы все еще живем и сейчас как дальние наследники этой «лучевой» болезни, для философа более страшной, чем любая Хиросима. При этом философ поднимается до универсальных обобщений, вскрывая проблему не только российской культуры (будь то дореволюционной или советской, а мы добавим, — и постсоветской), но и современной цивилизации как таковой. При этом анализе фактически используются два базовых понятия — цивилизация и, как можно было бы определить то, что ей противоположно — варварство. Цивилизацию в данном случае Мамардашвили отождествляет с культурой. Варварство — это именно бескультурье, бездуховность, а если брать современность, начиная с XX века — превращение человека в зомби, что страшнее первобытного варварства, так как при этом теряются некоторые базовые характеристики человека как homo-sapiens. Это некая антропологическая катастрофа человеческого рода, включенного в процесс так осуществляющейся глобализации, т.е. идущей по пути зомбирования уже всего населения Земли. Поле уже давно вышло за границы национальных государств, оно с успехом овладевает миром. Эта нарастающая антрополого-идеологическая катастрофа является источником любых иных, возможных глобальных проблем. Этому разрастающемуся полю противостоят немногие, осознающие катастрофичность процесса. К этим немногим, безусловно принадлежали М.К. Мамардашвили.

Как философ сознания Мамардашвили отмечал, что разрушение культуры и духовности связано с «нарушением законов, по которым устроено человеческое сознание» [Мамардашвили 1990.в, с. 107], культура же вторична, производна от этих структур. Возникают структуры противоположные, которые навязываются сознанию, но по которым оно, как осознанное бытие, функционировать не может. Процесс зомбирования, разрушая естественные для сознания структуры, порождает всевозможные псевдо, которые не просто дезориентируют, но уничтожают носителя этой новой структуры как сознательного морального существа.

Противостоит этой энтропии сознания деятельность упорядочивания, выраженная в суждении — «я мыслю, я существую, я могу». В результате так настроенного сознания возникает пространство для человеческого действия, создается такой мир, в котором значимы поступки, в котором возможна мораль. Противоположность этому — «только не я могу». Это проблема не только современного секуляризованного мира, с этим было связано и вырождение религиозного сознания, когда Бог стал мыслиться не как основание и требование ответственности, а как оправдание насилия, или, напротив, бездействия и безответственности.

Однако духовный кризис современного человека гораздо страшнее, опаснее, безумнее той ситуации вырождения церкви. Его попытался описать Ф. Кафка в своих произведениях. Мамардашвили определяет это состояние как «“зомби“-ситуацию», когда возникает не просто человек не верующий, не мыслящий, а «странный», «неописуемый». Возникают ситуации в обществе и мире не поддающиеся осмысленной оценке и решению в терминах чести и достоинства, следствием чего является порождение впервые в мировой истории тоталитарных режимов, а сегодня — новых видов тоталитаризма под видом «демократии», «свободы», защиты «прав человека» и всевозможных меньшинств. Возникает ситуация абсурда, хорошо описанная в романе А. Камю «Посторонний». В ней уже невозможен моральный выбор, так как в обществе утрачена вменяемость. Все слова, поступки и дела «проседают» в некую трясиину. Можно, конечно, «качать права», но от этого режим законности и правопорядка не восторжествует. Появляется посторонний человек, у которого, как отмечает Мамардашвили, «мозг зарастает волосами», и в нем мысли блуждают, как в лесу, не находя друг

Нижников С.А. Постижение Мамардашвили

Часть 1. Философия экзистенциального события М.К. Мамардашвили

друга и ни одна из них не может оформиться» [Мамардашвили 1990.в, с. 114]. Здесь уже не приходится говорить ни о какой гражданственности, ибо утеряно качество внутренней свободы. Законы, подчеркивает Мамардашвили, существуют только для свободных существ и все человеческие учреждения создаются трудом и терпением свободы. На деле происходит лишь имитация того, что мертво.

Если homo sapiens начинается с морали, то «странный» человек живет по ту сторону добра и зла (не в ницшеанском, а в буквальном смысле слова, т.е. не различающий добра и зла), он — невменяем, и карать и судить его бесполезно, так как он не осознает вины. С этого момента оказывается, что «все позволено» (Достоевский) и сама свобода превращается в разрушающий личность и общество радикальный экстремистский либерализм или, как его антипод, терроризм, индивидуальный или возведенный в ранг государственной политики. И в первом и во втором случае основа одна и та же — выпадение за пространство морали. Создается идеологическое поле, в котором не просто мораль не нужна, — она невозможна. Моралью оказывается уже нечто иное — коммунизм, фашизм, «демократия», «свобода», «права человека» — этим идолам, сменяющим друг друга, приносились жертвы в XX веке и продолжают приноситься в век XXI.

Состояние невменяемости свидетельствует о том, что человеческая мысль не способна достичь степени «кристаллизации истины», что невозможно ничему научиться и ошибки постоянно повторяются. А если искание истины еще кто-то и пытается осуществить в ситуации, когда уже «все потеряно» и уже «поздно» (невменяемость общества повсеместна), то не там, где она может быть, а в уборной. «Все поздно» потому, что уже создан мир «зазеркалья», «аномальное знаковое пространство». Так, после Октября 1917 все, что можно и нельзя — было переименовано, уже сам язык искажен — его лучшие слова и имена употреблены не по назначению, а зачастую и прямо наоборот. Этот искусственный символический мир был создан для порождения зомби — создания людей, продуктов «пролетарской культуры». В результате возник «человек без свойств» (Р. Музиль), партийный функционер, пролетарий-стахановец и советский интеллигент. В этой ситуации «все, что ни делай, выльется в какую-то белиберду. Ищи правду или неправду — все одно — пройдешь по уже заданным путям бессмыслицы... внутри такой ситуации действовать и мыслить невозможно — из нее важно выйти» [Солженицын 2008, с. 430].

Эту же ситуацию описывает Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»:

«Беззаконие это было вязко, глухо, непробиваемо... Весь бой его [героя его рассказа Митровича, боровшегося за правду и справедливость в постсталинскую эпоху, — С.Н.] был заведомо безнадежен, это тесто нельзя было промесить. И даже если бы он полностью победил, — это не могло бы исправить строя, всей системы. Только размытое светлое пятнышко чуть померцало бы на ограниченном месте — и затянуло бы его серым. Вся его возможная победа не уравновешивала того нового ареста, который мог бы быть ему расплатой (только хрущевское время и спасло Митровича от ареста). Безнадежен был его бой, однако человечно — возмущение несправедливостью, хоть и до собственной гибели! Борьба его была упёрта в поражение — а бесполезной её никак не назовёшь. Если б не так благоразумны были мы все, если б не ныли друг другу: "не поможет, бесполезно!", — совсем бы другая была наша страна!» [Солженицын 2008, с. 430].

Вот как Мамардашвили показывает действие партюкратического поля в СССР и, можно сказать постпартюкратического девяностых:

«Наследники странные, мало пока что понявшие и мало чему научившиеся на своих собственных бедах. Перед нами поколения, как бы не давшие потомства, потому что неродившееся, не создавшее в себе почву, жизненные силы для прорастания не способны и рождают. И вот бродим по разным странам безъязыкие, с перепутанной памятью, с переписанной историей, не зная порой, что действительно происходило и происходит вокруг нас и в нас самих. Не чувствуя права на знание свободы и ответственности за то, как ею пользоваться. К сожалению, и сегодня еще огромные, обособленные пространства Земли заняты таким «зазеркальным антимиром», являя дикое зрелище вырожденного лица человека. Зазеркальные "пришельцы", которых можно себе представить лишь в виде экзотической помеси носорога и саранчи, сцепились в дурном хороводе, сея вокруг себя смерть, ужас и оцепенение непроясненного морока» [Мамардашвили 1990.в, с. 120].

До сих пор

«мир еще полон неоплаканых жертв, залит неисккупленной кровью. Судьбы многих погибших неизвестно за что взыскуют о смысле случившегося. Одно дело погибнуть, завершая и впервые своей гибелью устанавливая смысл (например, в освободительной борьбе), и совсем другое — сгнуться в слепом одичании, так, что после гибели нужно еще доискиваться ее смысла. Но кровь все равно проступает то там, то здесь, как на надгробьях праведников в легендах, в совершенно неожиданных местах и вне какой-то понятой связи» [Мамардашвили 1990.в, с. 120].

А ведь без духовно-нравственного осмысления прошлого у России не будет и будущего. Без восстановления исторической правды и исторической связи с минувшими временами и веками не сбросить иго очередных навязываемых нам

Нижников С.А. Постижение Мамардашвили

Часть 1. Философия экзистенциального события М.К. Мамардашвили

идеологических полей. Однако российское общество, видимо, еще не готово к такому самоанализу, к такой психотерапии. Но пока этого выздоровления не состоится, всегда будет угроза повторения прошлого, конечно, в виде фарса, но он будет последним в истории российской государственности и самостоятельного бытия народа. «И поэтому, — завершает свой доклад Мамардашвили, — когда я слышу об экологических бедствиях, возможных космических столкновениях, ядерной войне, лучевой болезни или СПИДе, все это кажется мне менее страшным и более далеким — может быть, я ошибаюсь, может, воображения не хватает, — чем те вещи, которые я описал и которые есть в действительности самая страшная катастрофа, ибо касается она человека, от которого зависит все остальное» [Мамардашвили 1990.в, с. 120-121].

Издания произведений М.К. Мамардашвили

По сути, вся философская деятельность Мераба Мамардашвили может быть истолкована как прояснение того, что такое философствование. Последнее он мыслил как пробуждение к ответственности, прежде всего моральной, и как следствие — политической. Особенно актуально это было в советскую эпоху, когда философия фактически умерла, превратившись в служанку идеологии. Мамардашвили был одним из весьма немногих, решившихся напомнить о том, что же представляет собой истинная философия, — попытался вернуть ее человеку. Но, как оказалось, его «размышления вслух» являются предельно актуальными и сегодня, когда всевозможного вида «позитивизмы» и «постмодернизмы» также уничтожают специфику философского познания, как это когда-то производила советская «философия».

Для Мамардашвили философия всегда личностна, она по определению не может быть иной [Малышкина 2005]. Э.Ю. Соловьев называет Мамардашвили «экзистенциальным философом, не приемлющим экзистенциализма», но размышляющим об «экзистенциальной сотериологии», «духовном спасении», понятием как поддержание постоянного мыслительного усилия. По сути он разрабатывал светскую «экзистенциальную сотериологию. Философия в этом свете «есть особая мыслительная практика, которая предотвращает смерть при жизни или помогает воскресению при-жизни-умерших» [Соловьев 2009, с. 182, 189; Solov'ev 2010].

Философствование не должно сводиться к овладению «системы знаний» и не является производной от нее, ибо «путь к философии пролегает через собственные наши испытания, благодаря которым мы обретаем незаменимый уникальный опыт» [Мамардашвили 1990.б, с. 17]. По сути, как и у Достоевского и у Ницше, — это путь определенного внутреннего духовно-нравственного страдания, в результате которого отлагается, выпадает в осадок нечто осознанное. Если при этом данное осознание отливается в понятийное осмысление — мы получаем философию, если в религиозную символику — мы получаем религию, а возможно и создание поэтической строчки, художественного или иного произведения искусства.

В основе сократической и платонической методы философствования лежит логос, слово, испытующее общение, которое также направлено на самопознание, на вскрытие того, что глубже слов, но без слова немислимо. В этом — искусство майевтики Сократа. Этому же методу следовал и М. Мамардашвили, философствуя в различных аудиториях, стремясь прояснить слушателям то, что неуловимо. Для него философия — это «публичное сознание, то есть сознание, которого нельзя не выразить, сознание вслух», «высказываемое по правилам языка, по законам самой же мысли». Исходный переживательный акт требует своего осмысления, без которого он не перейдет в разряд чего-то отрефлектированного, полноценно осознанного, смыслового, т.е. того, из чего может быть извлечен смысл. Поэтому Мамардашвили подчеркивает, что «вне языка (в широком смысле этого слова), вне конструкции, имеющей свои синтаксические законы, он даже не узнал бы, о чем он думает; не понял бы, что он думает о том, о чем думает». Философствование — это попадание человека в зону «сверхвысокого напряжения», концентрации всех жизненных сил, опыта, интуиции... это крик, который нельзя сдержать!» [Мамардашвили 1990.а, с. 32—33].

Согласно Мамардашвили, человек должен прийти к философскому вопросу, хотя он может и не идентифицировать его как философский, если еще вовсе не знаком с философией. Породить этот вопрос, эту озадаченность или вопрошание могут только собственные муки и испытания. Лучше всего, если это муки совести. Действительно философствовать начинают от попадания в ситуацию трагического выбора, моральных коллизий и их осмысления. Стопроцентно здоровый человек для философствования непригоден, также как и для веры или написания романа. Невротик может открыть для себя истину, а живущий «в свое удовольствие» думает, что он в ней или не нуждается, или уже все знает. Муки со-

Нижников С.А. Постижение Мамардашвили

Часть 1. Философия экзистенциального события М.К. Мамардашвили

вести — наилучшая почва для духовного познания, в том числе и для философствования. Они свидетельствуют о том, что личность пробуждается, что человек уже не мертв и готовится ко «второму рождению», он уже «беременеет собой» (Платоновский Сократ).

Чтобы «споткнуться» о философствование, необходимо «застыть в радости или страдании», отрешиться от текучести мира, от временного, хотя отдаленно мыслью или чувством соприкоснуться с режимом вечного. Здесь открывается шанс что-то понять. И тогда могут открыться, прийти на помощь философия, религия и творчество в искусстве. Когда личность открылась для мышления, застыв в ощущении вечного, тогда вторую часть пути может проделать философия, прийти на помощь в деле осмысления того, что же свершилось:

«Так вот, в крайней точке этого полпути мы и можем встретиться с философским постижением мира. Ибо по другой половине дуги нам идет навстречу философия уже существующих понятий... [которые] позволяют продолжать этот путь познания, поскольку дальше переживать без их помощи уже невозможно. Дальше, например, мы можем ударить того, кто нас обидел, или же самовлюбленно нести свою обиду и обвинять во всем окружающий мир, лишившись тем самым возможности заглянуть в себя и спросить: а почему, собственно, я злюсь? Ведь в самой злобе есть что-то и обо мне. Направленная на внешние предметы, в действительности она что-то говорит или пытается сказать и о нас сами, о том, что есть на самом деле; что происходит в нас и вне нас. И вот наше дальнейшее движение, связанное с продолжением переживания, оторвавшись от наших реактивных изживаний, идет уже на костылях, на помочах понятий» [Мамардашвили 1990.б, с. 17–18].

Однако здесь подстерегают и опасности, которые кроются в самом качестве изначального переживания, которое может перейти в Ужас (на чем тоже можно построить философию (Кьеркегор, Хайдеггер)) и отчаяние, если одновременно со страхом не присутствует радость, которая должна быть великой. Это радость присутствия в бытии, но она возможна, только когда наряду с временностью дано и переживание вечного, соприкосновение с «мирами иными» (Достоевский). Страх Божий всегда соседствует с любовью, а без нее вырождается уже не в Божий, но уничтожающий, поедающий душу человека. Все смыслы к нам «нисходят» от «миров иных», и вне этой связи человек не может вынести даже собственного существования.

Мамардашвили также как и Хайдеггер, по сути, различает философию и философствование. Истинная мысль у него, как и всякое духовное событие, «существует только в исполнении», как и симфония. Без исполнения мы имеем только нотную запись, но не музыку. «Бытие симфонии, как и бытие книги, — это бытие смысла», который раскрывается в философствовании. И только философствование есть *реальная* философия, «не философия понятий и учений», а философия «как элемент устройства нашего сознания». Как у Гегеля и Хайдеггера, предметом философии в данном случае оказывается сама философия. Философский акт можно назвать «чувством собственного существования», осмысленного «с применением философских понятий» [Мамардашвили 1990.б, с. 23]. Философствование отличается от философии также, как живой цветок — от натюрморта, хотя если он изображен *художником*, посредством него мы можем возобновить в себе эстетическое переживание (т.е. философствование). Связь философских понятий для Мамардашвили действительна только тогда, то есть осуществляется философствование на основе их только тогда, когда не утрачена связь с их изначальными жизненными смыслами. Однако этот разрыв, это отчуждение произошло в гегельянстве, когда философия утратила свое качество «человеческого самостроительства» [Мамардашвили 1990.а, с. 35], т.е. свою экзистенциальную сущность.

Для Мамардашвили суть философствования оказывается не столько в поисках ответов на вопросы, не в постановке вопросов, а в состоянии вопрошания, в котором находится философствующий, и которое трансформирует его. Эта изначальная установка, предшествующая развертыванию философствования, у Аристотеля определяется как «удивление», состояние очарованности миром и собственным присутствием. У человека захватывает дух, он до глубины души изумлен и поражен, и из недр этого удивления рождается вопрос: «Почему есть нечто, а не ничто?» Но еще более удивительно человеческое присутствие в мире и его способ.

Мамардашвили строил экзистенциальную философию сознания, которая ближе к поэзии, чем к науке. Для него, как и для Хайдеггера, философия породила науку из акта философствования, при этом философия может быть как источником науки, так и ядром уже ставшей науки [Хайдеггер 2007, с. 81–82]. Однако мыслитель не пренебрегал научным знанием, просто осознавал его качественную специфику, отличающую от философии.

Под духовной жизнью Мамардашвили понимал «жизнь сознания», а философию рассматривал как «элемент некоего фундаментального устройства жизни сознания» как упорядоченного целого, «локального присутствия глобального». Это думание как часть жизни сознания «происходит не при произвольном выборе предметов интеллектуального внимания, а экзистенциальным путем», когда вершится какой-то «химизм наших чувств» ставшей науки. Философский акт в его понимании — это «миг сознания», «некая вспышка сознания» [Мамардашвили 1990.б, с. 19].

Мамардашвили, как и Хайдеггер, подвергал критике закостеневшую философию, овнешненную теологию и деградировавшую веру, восстанавливал статус философии как экзистенциального события сознания, создавая свою политическую философию экзистенциального события.

Нижников С.А. Постижение Мамардашвили

Часть 1. Философия экзистенциального события М.К. Мамардашвили

М.К. Мамардашвили, как и Лео Штраус, подчеркивает, что гражданское европейское общество «кристаллизует евангельское христианство в секуляризованных социальных и гражданских институциях». Поэтому демократия может быть демократией только тогда, когда она вторична, а не первична: вторична от того духовно-нравственного культурного фундамента, который формировался столетиями и даже тысячелетиями, создавая особую «пространственно-временную плотность истории». Мамардашвили далее отмечает (а это был приблизительно 1989 г.), что российское пространство в этом смысле «почти что пустое», ибо в нем недостаточно «исторических точек», «сцеплений» и «сгущений», на основе которых только и возможна гражданская позиция, свобода и ответственность граждан страны. «Сцепления» и «сгущения» «завязывают историю», ибо «сама по себе она не течет» [Мамардашвили 2008, с. 234–235, 240–241]. Нельзя сказать, что опыт в России XX века недостаточно богат и трагичен, но из него еще не извлечены смыслы, еще не произошла кристаллизация катастрофического опыта, и потому возможны повторы безумия. И вряд ли за прошедшие два десятилетия этот опыт извлечен в достаточной степени. А если он не извлечен, то не спасут никакие институты и никакие законы и указы, ибо их действенность определяется указанной социальной «плотностью».

Если не возникло представления о незыблемости естественных прав человека, то не будет действовать и позитивное, сколь хорошо бы оно ни было разработано. Мамардашвили подчеркивает, что

«простая механическая или натуральная совокупность, общежитие людей лишь через такого рода связность превращается в общество. И гражданское общество, это, конечно, не общество вообще и не общество отдельно от других обществ, а есть определенное качество общества. Вот качественное общество есть гражданское общество. Оно не все общество, а общество, приведенное в определенное состояние... Убери усилие и исчезнет гражданское общество. Вот у греков: исчезло усилие, и исчезло гражданское общество еще до того, как варвары его разбили» [Мамардашвили 2008, с. 242].

То же произошло и с немцами в 20-е годы XX века, когда была создана Веймарская республика с ее сложными демократическими институтами. Куда проще оказалось взаимодействие «один фюрер, один народ», — такая прямая, непосредственная демократия, приведшая к чудовищным последствиям. В России мы наблюдаем такую же картину в то время, когда советская власть — тоже фактически прямая народная демократия — вырождается во власть тарана и тоталитарную партократию. Мамардашвили утверждает, что в 1917 г. произошло «коллективное самоубийство общества и государственности», общество вступило в «зону распада социальных связей», породивших лавину последствий. И вот мы до сих пор «имеем это максимально разряженное пространство, пустое пространство...», в котором «почти что нет точек, в которых мое усилие завязалось бы», создав в качестве объективации гражданское общество. Все в социальном мире, по мнению Мамардашвили, зависит от усилий личности человека, поэтому «Если социальная теория говорит о чем-то, чего я не могу сделать, в чем не могу участвовать и понимание чего не может стать элементом моего действия, то такая теория не существует» [Мамардашвили 2008, с. 242–243, 245]. Ведь главное в социальном действии — утверждение свободы человека, а если таковой нет, да еще и теория подводится под этот детерминизм, то происходит уничтожение и свободы, и основанной на ней социальности.

«Почему вообще нужна история?» — задается вопросом мыслитель. И сам же отвечает, что «время есть усилие, усилие бытия». Нам дано время, и личное, и историческое, чтобы мы состоялись, состоялись как граждане, чтобы на основе наших поступков могла возникнуть такая «связность», которую называют гражданским обществом. И нет других, внешних путей для этого. Ни президент, ни премьер не могут сделать это за нас. «Драму души» Мамардашвили, в духе Достоевского, рассматривает как «одну из исторических сил в человеке»: «То, что в действительности кажется социальными реакциями, социальными ролями... в действительности является драмой души... Так что труд души и свободы, труд свободы и есть собственно история. И очевидно, в исторической сфере, или в сфере сознания (что одно и то же), прямыми путями являются только кривые (как, очевидно, в неевклидовой геометрии). Прямо — ничего нельзя» [Мамардашвили 2008, с. 246, 247], ибо «благими намерениями дорога в ад выстлана». Так призывы к прямой демократии и «гражданскому обществу» здесь и сейчас могут вести к развалу уже тех связей, которые худо-бедно, но работают. Разгул прямой «демократии», как показала Веймарская республика, 1917 и 1991 гг. в России могут вести к разрушению социальности, а отнюдь не построению реального гражданского общества. Все реальное, как говорит древнекитайская мудрость, совершается медленно, и только тогда — неотвратимо.

В связи с построением того, что мы определили как «философию экзистенциального события», Мамардашвили отмечает, что в сфере социально-духовной и политической прогресс может осуществляться только событийно, т.е. когда личность состоялась и она берет на себя ответственность, но если «человек отказался от риска и усилия, то машина [социальная — С.Н.] не будет выдавать ему счастья». История, поэтому, «исполняется только событийно». Она «завязывается» этими «историческими актами»: «История сама по себе не течет» [Мамардашвили 2008, с. 241]. Иначе — ситуация невменяемости и ничто не называется своим именем, а перед нами «что-то смутное, и в общем отвратительное, чему нет названия». Только когда возникает поколение вменяемых людей, они способны на реальное социально-политическое действие, удерживающее мир от хаоса и варварства. Благодаря такому поколению, подчеркивает Мамардашвили, возникло, например, Христианство [Мамардашвили 2001, с. 193–195].

Нижников С.А. Постижение Мамардашвили

Часть 1. Философия экзистенциального события М.К. Мамардашвили

Осенью 1990 г. Мамардашвили открыто выступил против националистической политики Звиада Гамсахурдии. «Крики улицы нельзя принимать за мнение большинства, народа, который решает какие-то весомые задачи. — Пишет он в газете «Молодежь Грузии». — Если мой народ выберет Гамсахурдия, тогда мне придется пойти против собственного народа в смысле своих взглядов и настроений... К сожалению, многие мои сограждане больше чувствительны к оскорблениям национальной чести, но не унижению человеческого достоинства, наносимого рабством и несправедливостью, ложью и низостью. (...) Защищая достоинство абхаза, армянина, осетина — защищаешь свое достоинство, иначе для меня не существует высокое понятие грузина» [Мераб Константинович Мамардашвили 2009, с. 395—396]. Но это был голос вопиющего в пустыне. Националистические идеи были поддержаны и принесли много бед закавказским народам.

Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгин В.П. Мы все его так любили... // Мераб Константинович Мамардашвили. М.: РОССПЭН, 2009. С. 17—32.
2. Мальшклина Н.А. Философское учение М.К. Мамардашвили о человеке и обществе: Автореф. дисс. ... к. ф. н. Нижний Новгород, 2005. 22 с.
3. Мамардашвили М. Быть философом — это судьба // Как я понимаю философию... М.: Прогресс, 1990.а. С. 27—40.
4. Мамардашвили М. Как я понимаю философию // Как я понимаю философию... М.: Прогресс, 1990.б. С. 14—26.
5. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию... М.: Прогресс, 1990.в. С. 107—121
6. Мамардашвили М. К. Опыт физической метафизики. (Вильнюсские лекции по социальной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 304 с.
7. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 416 с.
8. Мераб Константинович Мамардашвили. М.: РОССПЭН, 2009.
9. Мотрошилова Н.В. Мераб Мамардашвили: Философские размышления и личностный опыт. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. 320 с.
10. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: В 3 т. М.: Вагриус, 2008. Т. 3. 688 с.
11. Соловьев Э.Ю. Экзистенциальная сотериология Мераба Мамардашвили // Мераб Константинович Мамардашвили. М.: РОССПЭН, 2009. С. 174—202.
12. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Что такое метафизика. М.: Академический Проект, 1989. С. 80—170.
13. Mamardashvili M. "The Problem of Consciousness and the Philosopher's Calling." *Russian Studies in Philosophy* 49.2 (2010): 8—27.
14. Motroshilova N.V. "On Merab Mamardashvili's Dialogue with Jean-Paul Sartre." *Russian Studies in Philosophy* 49.1 (2010): 74—95.
15. Padgett A. "Dasein and the Philosopher: Responsibility in Heidegger and Mamardashvili." *Facta Universitatis — Series Philosophy, Sociology, Psychology and History* 01 (2007): 1—21.
16. Solov'ev E.Iu. "The Existential Soteriology of Merab Mamardashvili." *Russian Studies in Philosophy* 49.1 (2010): 53—73.
17. Stafecka M. "Understanding as Being: Heidegger and Mamardashvili." *Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century*. Springer Netherlands, 2009, pp. 423—432.
18. Vladiv-Glover S. "Poststructuralism in Georgia: The Phenomenology of the "Objects-Centaurs" of Merab Mamardashvili." *Angelaki: Journal of Theoretical Humanities* 15.3 (2010): 27—39.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Нижников, С. А. Постижение Мамардашвили. Часть 1. Философия экзистенциального события М.К. Мамардашвили [Электронный ресурс] / С.А. Нижников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2014. — Т. 7. — Вып. 1. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast7-1.2014.23

НИЖНИКОВ С.А. ПОСТИЖЕНИЕ МАМАРДАШВИЛИ

Часть 1. ФИЛОСОФИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОБЫТИЯ М.К. МАМАРДАШВИЛИ

COMPREHENDING MAMARDASHVILI.

PART 1. M.K. MAMARDASHVILI'S PHILOSOPHY OF EXISTENTIAL EVENT

Sergei A. Nizhnikov, D.Phil., Professor at the Chair of History of Philosophy, Department of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow).

E-mail: nizhnikovs@mail.ru

Merab K. Mamardashvili (1930—1990) was the philosopher of Georgian descent who worked in the Soviet epoch, and whose philosophical heritage is of great significance for the modern Russian society.

This article is the first in the cycle of my works in which I try to analyze the transformation of philosophy in M.K. Mamardashvili's creativity. In this article, I have shown philosophy from Mamardashvili's point of view is a gnosis, and spiritual cognition. Metaphysics in Mamardashvili's works appears not as explanation of the universe but as a creative transcending action that builds up human being as moral creature.

As for the Mamardashvili's social philosophy, he emphasizes that a simple mechanical combination of people needs a certain kind of connectedness to be transformed into civil society, which is not a society in general, but a 'certain quality of society'. Mamardashvili supposed civil society will disappear the way it happened to the Greeks, "effort was gone, and civil society disappeared even before the barbarians ruined it". The same thing happened to the Germans in the 1920s, when the Weimar Republic with its complex democratic institutions was created. In the USSR, the same pattern was observed when the Soviet regime — also actually a 'direct popular democracy' — degenerated into the rule of a tyrant and totalitarian partocracy. According to Mamardashvili, 1917 was marked by "collective suicide of society and statehood", and society entered a 'zone of disintegration of social connections' which gave rise to an avalanche effect. As a result, we still "have this space rarified to the highest possible degree, an empty space ..." where "almost no points where my effort could be generated are to be found".

Everything in the social world, Mamardashvili states, depends on the efforts of the human personality, therefore, "If a social theory says something I cannot do, I cannot participate in, and understanding it cannot become a part of my action, such theory does not exist". The most important thing about social action is approving the freedom of man, and if it is not present, and even some theory is applied to confirm this determinism, it results in destruction of both freedom and sociality based upon it. "Why do we actually need history?" the thinker asks. He answers that question himself, "time is an effort, an effort of existence". We are given time, both personal and historical, to actualize ourselves, to establish ourselves as citizens, so that on the basis of our actions a "connectivity" called civil society could emerge. There is no other, exterior way to do this. Like Dostoyevsky, Mamardashvili regards the "drama of the soul" as "one of the historical forces in man". The outburst of 'democracy', as the Weimar Republic and Russia in 1917 and 1991 demonstrated, may lead to the destruction of sociality instead of constructing a real civil society. All the real things, according to the ancient Chinese wise saying, take place slowly but inevitably.

Keywords: M.K. Mamardashvili, civil society, ideology, turning into a zombie, person, morality, event, totalitarianism, philosophizing.

References:

1. Heidegger M. "The Fundamental Concepts of Metaphysics" *What Is Metaphysics?* Moscow: Academicheskyy Proekt Publisher, 1989, pp. 80—170. (In Russian).
2. Malushkina N.A. *M.K. Mamardashvili's Philosophical Doctrine about Human Being and Society*. Synopsis of Ph.D. diss. Nizhny Novgorod: State Pedagogy University Publisher, 2005. 22 p. (In Russian).
3. Mamardashvili M. "It Is a Destiny To Be A Philosopher." *How Do I Understand Philosophy?...* Moscow: Progress Publisher, 1990.a, pp. 27—40. (In Russian).
4. Mamardashvili M. "The Problem of Consciousness and the Philosopher's Calling." *Russian Studies in Philosophy* 49.2 (2010): 8—27.
5. Mamardashvili M. "Consciousness and Civilization." *How Do I Understand Philosophy?...* Moscow: Progress Publisher, 1990.c, pp. 107—121. (In Russian).
6. Mamardashvili M. "How Do I Understand Philosophy?." // *How Do I Understand Philosophy?...* Moscow: Progress Publisher, 1990.b, pp. 14—26. (In Russian).
7. Mamardashvili M.K. *Aesthetics of Thinking*. Moscow: Moscow School of Political Investigation Publisher, 2001. 416 p. (In Russian).
8. Mamardashvili M.K. *Experience of Physical Metaphysics*. Moscow: Progress-Traditsiya Publisher, 2008. 304 p. (In Russian).
9. *Merab Konstantinovich Mamardashvili*. Moscow: ROSSPEN Publisher, 2009. (In Russian).

НИЖНИКОВ С.А. ПОСТИЖЕНИЕ МАМАРДАШВИЛИ

Часть 1. ФИЛОСОФИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОБЫТИЯ М.К. МАМАРДАШВИЛИ

Нижников С.А. ПОСТИЖЕНИЕ МАМАРДАШВИЛИ

Часть 1. Философия экзистенциального события М.К. Мамардашвили

10. Motroshilova N.V. "On Merab Mamardashvili's Dialogue with Jean-Paul Sartre." *Russian Studies in Philosophy* 49.1 (2010): 74–95.
11. Motroshilova N.V. *Merab Mamardashvili: Philosophical Reflections and Personal Experience*. Moscow: Kanon+ Publisher, ROOI «Reabilitatsiya» Publisher, 2007. 320 p. (In Russian).
12. Padgett A. "Dasein and the Philosopher: Responsibility in Heidegger and Mamardashvili." *Facta Universitatis – Series Philosophy, Sociology, Psychology and History* 01 (2007): 1–21.
13. Solov'iev E.Iu. "Merab Mamardashvili's Existential Soteriology." *Merab Konstantinovich Mamardashvili*. Moscow: ROSSPEN Publisher, 2009, pp. 174–202. (In Russian).
14. Solov'ev E.Iu. "The Existential Soteriology of Merab Mamardashvili." *Russian Studies in Philosophy* 49.1 (2010): 53–73.
15. Solzhenitsyn A.I. *The Gulag Archipelago*. Moscow: Vagrius Publisher, 2008, vol. 3. 688 p. (In Russian).
16. Stafecka M. "Understanding as Being: Heidegger and Mamardashvili." *Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century*. Springer Netherlands, 2009, pp. 423–432.
17. Vizgin V.P. "We All Loved Him So Much..." *Merab Konstantinovich Mamardashvili*. Moscow: ROSSPEN Publisher, 2009, pp. 17–32. (In Russian).
18. Vladiv-Glover S. "Poststructuralism in Georgia: The Phenomenology of the "Objects-Centaurs" of Merab Mamardashvili." *Angelaki: Journal of Theoretical Humanities* 15.3 (2010): 27–39.

Cite MLA 7:

Nizhnikov, S. A. "Comprehending Mamardashvili. Part 1. M.K. Mamardashvili's Philosophy of Existential Event." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya* [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time] 7.1 (2014). Web. <2227-9490e-aprovr_e-ast7-1.2014.23>. (In Russian).